

Вольные и гулящие люди в России XVII в.

6 марта 1639 г. царским указом боярину И.П. Шереметеву с дьяком В. Прокофьевым было велено «...для своей государевы службы нынешняго лета прибрать в драгунскую и салдатскую службу детей боярских, и иноземцов, и новокрещенов, и татар, которые не верстаны и не в службе, и за которыми прожиточных поместий и вотчин нет, и которые дети боярские наперед сего были в салдатской и драгунской службе, а з города в службе не написаны, и поместей и вотчин за ними нет же; также и стрелецких и казачьих и всяких чинов людей детей и братью и племянников, которые не в службе и не в тягле, и не в пашне, в и холопах ни у ково не служат, всяких охочих волных людей»¹. В указах XVII в. термин «охочие вольные люди» нередко заменяется термином «вольные и гулящие люди».²

О ком идет речь в указе 1639 г.? Начнем с того, что прибрать нужно было тех, кто не состоит в службе, не платит тягла, и не является холопом.

Отметим, какие категории населения несли государеву службу в XVII в.:

- 1) дети боярские и дворяне (включая членов государева двора)
- 2) стрельцы, служилые казаки, пушкари, затынщики, ездоки, вожи
- 3) солдаты и драгуны
- 4) кормовые и поместные атаманы и казаки
- 5) ямщики
- 6) иноземцы
- 7) поместные мурзы и татары, и новокрещены
- 8) гости, члены гостиной и суконной сотен

Категория населения, которая несла личную службу – холопы

Наконец, категории населения, которые платили тягло:

- 1) крестьяне
- 2) посадские люди

Собственно, выше перечислены все слои населения, за исключением «охочих вольных людей», «вольных и гулящих людей», «гулящих людей».

¹ РИБ. Т. 10. Записная книга Московского стола 1638–1639 гг. СПб., 1888. С. 161.

² Напр., Указ от 02.01.1697 г. (ПСЗ. Т. 3. № 1564).

В указе 1639 г. говорится также о детях боярских, иноземцах, новокрещенов, татар, которые не верстаны и не в службе и т.п. Таким образом, дети боярские, иноземцы, новокрещены, татары, которые не верстаны и не в службе – это по существу дети, братья, племянники указанных категорий населения.

В указе 1639 г. указаны стрелецкие, казачьи и всяких чинов людей дети и братья и племянники. Вообще, стрельцы, служилые казаки, пушкарки и др. – служилые люди, которые обязаны нести службу в силу процедуры «прибора».

Итак, говоря обо всех категориях населения, представители которые были обязаны нести государеву службу, важно иметь в виду, что эти обязанности распространялись лишь на тех лиц, которые прошли соответствующие юридические процедуры – «верстанья», «прибора» и др. Дети, братья, племянники, дяди и др. лица, не прошедшие указанные процедуры собственно были вольными людьми в том смысле, который заложен в Указе 1639 г. и многих других подобных актах. Впрочем, известны также документы, в которых стрелецкий сын назван гулящим человеком.³

В указе 1639 г. упомянут холоп, как человек, который также не может быть «прибран» в солдатскую и драгунскую службу, поскольку служит другому человеку. Очевидно, что если холоп будет отпущен на свободу, он станет вольным человеком. В равной степени стать холопом мог только вольный человек. Вот как это выражено в правиле ст. 7 Главы XX Соборного уложения 1649 г.: А будет к кому придут какие люди и учнут бити челом в холопство, а скажутся, что они волные люди ... Да будет ... они не служилых отцов дети и в государеве службе и в тягле нигде и в холопех и во крестьянех и в бобылях ни у кого не бывали ... и те их речи записав, велеть на них давати служилые кабалы»; ст. 10 Главы XX: «а давать на них служилые кабалы тем людям, к кому они наперед с отпускными придут». Впрочем, известны также документы, в которых холопы, отпущенные на свободу, названы «гулящими людьми»⁴

Наконец, категориями населения, которые несли «тягло» были крестьяне и посадские люди. Неоднозначным представляется ответ на вопрос о том, являлись ли дети крестьян и посадских людей вольными людьми.

«Писцовая крепость», установленная писцовыми и переписными книгами 1646-1686 гг. создавала общие правовые основания отношений между помещиками и вотчинниками, с одной стороны, и крестьянами, с другой стороны. Естественно, что нормы Соборного

³ Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. /Подгот. М.С. Черкасова, И.В. Пугач. Т. 1. Писцовые и переписные книги Вологды XVII в. М., 2008. С. 16.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Д. 224. Л. 146 об.–147.

уложения, вобравшие в себя положения писцового наказа, могли действовать в случае их нарушения, создавая право на иск.⁵

М. А. Дьяконов был единственным исследователем, кто задался вопросом о том, кто поряжался в крестьяне. Судя по тексту порядным записей, это были вольные люди. Вот что о них пишет исследователь: вольный человек по московскому праву не был связан никакими прочными общественными и государственными отношениями и пользовался полною свободою передвижения и выбора занятий, в противоположность служилым и тяглым людям и холопам, он считался вполне свободным. Но одновременно с тем, он стоял как бы вне общественных связей, не занимая никакого общественного положения, являлся человеком бесприютным».⁶

Из кого пополнялась группа вольных людей. М.А. Дьяконов указывает холопов и крестьян, (1) отпущенных на свободу, либо (2) вышедших из плена, и, (3) детей и родственников тяглых людей «отделившиеся от семей или покинутые своими родственниками, или в малолетстве осиротевшие». Причем, если в первых двух случаях, правовое состояние лиц считалось бесспорным, то положение «отделившихся» детей и родственников вызывало судебные споры. С одной стороны, известны примеры возврата крестьянских сыновей помещикам их отцов.⁷ Но, есть прямо противоположные казусы. Один из них отразился в порядной записи: «се яз Иван Петров сын вольной человек старинной Спасской крестьянин» порядился «где отец мой Петр жил» (1649 г.).⁸ Более того, М. А. Дьяконов полагал, что практика возврата крестьянских детей «не была господствующей, иначе может показаться странным, что нередко помещики «не добиваются возвращения сошлых крестьянских детей и даже заведомо не мешают их уходу».⁹ Полагаем, причина подобного поведения людей той эпохи, в частности, крестьянских детей («без стеснения», как писал М. А. Дьяконов, они рассказывали об уходе от тяглых родителей, считая себя вольными людьми), непоследовательность судебной политики в данном вопросе, и существование порядных во второй половине XVII в. – все это свидетельство обычая, в соответствии с которым 1) дети крестьян, поскольку они не несут тягло, являются свободными людьми, если иное не предусмотрено условиями порядной записи, 2) отношения между помещиками и крестьянами носили договорный характер, и оформлялись порядными записями. Для исследуемой темы важно, что, в

⁵ Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI-XVII вв.). СПб., 1898. С. 64–66.

⁶ Там же. С. 85 и далее.

⁷ Там же. С. 42–44

⁸ Там же. С. 41.

⁹ Там же.

течение второй половины XVI – конца XVII вв. – были порядные с указанием в них детей крестьянина, а были без таковой записи.¹⁰ А. С. Лаппо-Данилевский отметив существование в первой половине XVII в. порядных записей, в которых дети рядились с помещиками своих отцов на отдельные участки, указал, что неполнота порядных записей объясняется также обычаем в оформлении их условий¹¹

Наконец, Д. А. Дьяконов отметил еще один (4) способ утраты сословных крестьянских прав и обязанностей (выхода из крестьянского состояния) – передача обязанности по уплате тягла другому лицу. Он же привел примеры, когда во второй половине XVII в., помещичий крестьянин становится свободным человеком, так как вместо себя вольного человека «поселил на свою деревню жить во крестьянство».¹² В равной степени это относилось к черным крестьянам – в 1661 г. был принят указ, в соответствии с которым, «которые государевы крестьяне тягла свои сдали иным государевым крестьянам, и им велеть жить ... где кто живет».¹³ Переход из крестьян в гулящие люди и обратно отражен в порядной 1630 г.: «старинный вознесенской крестьянин», как указал он сам в порядной записи, «гулял и жил по наймом», ныне вновь рядился в крестьяне.¹⁴

Итак, повторимся. Есть основания полагать, что в соответствии с обычаем, если иное не предусмотрено условиями порядной записи, дети крестьян, поскольку они не несли тягло, являлись свободными людьми.

Следующий вопрос – были ли вольными дети посадских людей. Принципиальные положения относительно правового положения посадских людей отражены в XIX главе Соборного уложения 1649 г. В принципе исследователям понятны основные направления «посадского строения», то есть политики в указанной сфере общественных отношений, которая проводилась в то и последующее время – не допустить снижения доходов, а следовательно, сохранить количество тяглых дворов. Обязанность по уплате тягла связана с занятием на посаде «своим делом» («лавки и всякие промыслы»). Правило 33 статьи XIX главы содержит указание на единственное общее основания освобождения от тягла – освобождение из плена. Кроме того, несколько статей содержат упоминания о детях посадских и тяглых людей: тяглых отцов дети не могли быть прибраны в солдаты и ямщики (ст. 31, 32 XIX главы); тяглых (посадских) отцов дети могут быть прибраны в

¹⁰ См.: Дьяконов М. А. Акты тяглового населения. Вып. 1. Крестьянские порядные. Юрьев, 1895.

¹¹ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве 16-17 вв. Отзыв о книге М. А. Дьяконова «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (16-17 вв.)». СПб., 1900. С. 20.

¹² Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI-XVII вв.). СПб., 1898. С. 13.

¹³ Там же. С. 14.

стрельцы только в случае, если они являются не первыми и не вторыми сыновьями (ст. 26, 27 XIX главы). Здесь возникает следующая правовая коллизия – обязанностей по уплате «тягла», первый и второй сын посадского человека оказывался по существу посадским человеком. Принципиально важно, что третий и, по всей видимости, последующие сыновья посадских людей частично рассматривались в качестве вольных людей, поскольку могли быть «прибраны» в стрельцы, но не в солдаты и ямщики.¹⁵

«Гулящие люди».

И. Д. Беляев рассматривал их следующим образом: «... существовал еще значительный класс вольных государевых людей. Это были люди не за кем не состоявшие в службе, не принадлежавшие ни к какой общине и жившие или вольною работою, или мирским подаянием, или каким-нибудь промыслов, не привязывающим ни к какому месту жительства; сюда относились скоморохи, шерстобиты, вожаки медведей и т.п. Этот класс государевых людей был самый беспокойный и буйный; тут были бродяги, нищие и разбойники; вообще это были представители пролетариата».¹⁶

В. О. Ключевский подходил, как представляется, более взвешенно: «*Вольные* или *гулящие* люди составляли класс чрезвычайно пестрый по своему экономическому составу. Одни из них жили за чужим тяглом. То были люди, не имевшие своих хозяйств и вступавшие в товарищества с тяглыми людьми. Они обыкновенно помогали последним в их работах, но не принимали на себя податного тягла. То были или сторонние, чужие для хозяев лица, или их родственники — отцы, потерявшие способность к работе, дети, еще не севшие на отдельные участки, и т.п. Те и другие — и чужие лица и родственники — носили название *захребетников*, *соседей* или *подсоседников*. Другие вольные люди не имели определенных занятий и постоянного местожительства, промышленяли подвижными переходными занятиями, «кормились, походя» по старинному выражению. Наконец, третьи совсем не работали, а жили Христовым именем, просили милостыню. Вольные люди жили в городах и селах, но не приписывались ни к городским, ни к сельским обществам».¹⁷

В советское время гулящие люди рассматривались как категория феодально-зависимого населения, наряду с бобылями. С другой стороны, их положение изучалось в

¹⁴ Дьяконов М. А. Акты тяглового населения. Вып. 1. Крестьянские порядные. Юрьев, 1895. № 18. С. 17.

¹⁵ Проблема, связанная с записью посадских людей в стрельцы в посадских тяглых дворах, остро стояла, начиная с послесмутного времени. См. напр.: Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. /Отв. ред. И.В.Пугач. М.: Кругъ, 2012. С. 18. № 37.

¹⁶ Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 496–497.

¹⁷ Ключевский В. О. История сословий в России // Ключевский В. О. Сочинения. М., 1989. Т. 6. С. 299; *Он же*. Терминология русской истории // Там же. С. 128–129.

контексте развития крепостничества и зарождения капиталистических отношений в XVII и XVIII вв.

В постсоветское время возобладало отношение к ним как маргинальной группе¹⁸, хуже того, ряд исследователей-юристов считают «гулящих людей» нищими, живущими за счет милостыни.¹⁹ Представляется, данный подход, помимо историографической традиции, обусловлен также «магией слов», современной коннотацией слов, обозначающих данную группу населения. Впрочем, исключение в этом историографическом ряду представляют работы В. Е. Борисова, который основательно подошел к изучению гулящих людей на материалах Ирбитской слободы²⁰.

Что же представляли собой «гулящие люди». Начнем с того, что в переписных книгах посадов XVII в. дворы нищих выделяются отдельно от дворов гулящих людей: дворы, в которых живут «нищая бобылка», «нищая вдова», «нищий»²¹. «Гулящие человек», как и «бобыль» – в документах обозначают социально-правовое положение лиц; слово «нищий» являлось указанием на экономическую несостоятельность, или, еще точнее – на податную (налоговую) не состоятельность.

Социально-правовой облик гулящих людей достаточно выясняется по имеющимся материалам. Очевидно, что гулящие люди были субъектами уголовного права; наряду с прочими сословиями они подвергались наказаниям, либо, будучи потерпевшими, могли требовать возмещения причиненного ущерба. Важно отметить, что Соборное уложение 1649 г. прямо указывает на ответственность гулящих людей за нарушение финансовых прав государства – статьи 14 и 16 главы XXV Соборного уложения.

Гулящие люди несли имущественную ответственность за бой и грабеж²², были ответчиками по искам детей боярских о «безчестье»²³; по имущественным искам крестьян²⁴; заключали договоры займа. Известно о решенном судебном деле чюгуевца сына боярского Онфимка Ивакина, что искал на чюгуевце гулящем человеке на Рамашку

¹⁸ Каменский А. Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 115.

¹⁹ Напр.: Черных К. В. Государственно-правовые меры по предупреждению и пресечению нищенства и бродяжничества в Российском государстве (X – начало XX столетия): Автореф. дис. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 9, 15.

²⁰ Борисов В. Е. Гулящие люди и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII в. // Новый исторический вестник. 2013. № 37. С. 6–26. Оброк, о котором пишет В. Е. Борисов, представляется нам косвенным платежом (пошлиной).

²¹ См. напр.: Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. /Подгот. М.С. Черкасова, И.В. Пугач. Т. 1. Писцовые и переписные книги Вологды XVII в. М., 2008. С. 18, 19, 21, 23, 35 и др.

²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Д. 224. л. 209

²³ Там же. Л. 248 об.

²⁴ Там же. Л. 209.

Садохине заемного хлеба на два рубли с четвертью²⁵. Гулящие люди были ответчиками по искам в холопстве. Известно о нерешенном деле Григорья Байдикова з гулящим человеком с Александриком Кондратьевым в холопстве²⁶.

Отличием гулящих людей от иных категорий населения был сравнительно небольшой вред, который можно было им нанести оскорблением; «безчестье» гулящих людей наказывалось штрафом в размере 1 рубль в соответствии со статьей 94 главы X Соборного уложения.

В социально-экономическом отношении «гулящие люди» XVII в. представляли собой людей, работающих по найму. Очевидно, что работать по найму могли представители различных социальных групп; но для гулящих людей это было единственное возможное занятие. Однако наиболее значимым было то, что «гулящие люди» не несли «тягло». Они проживали в своих домах на посаде: «на посаде живут вольные люди себе дворами кормятся работаю в миру». В числе возможных договоров найма, которые заключали «гулящие люди» – дворничество. В переписной книге 1646 г. Оскольского уезда: «на посаде у аскольских у детей боярских на дворах живут вольные всякие ремесленные люди во дворничестве».²⁷ Вполне доступным занятием была работа по «мирским договорам», например, «наплечными мастерами».²⁸ Сопровождая в Москву челобитную оскольских воротников Ивана Карпова «с товарищи» 1635 г., воевода Константин Пушин в своей отписке от 15 февраля 1635 г. писал: «а которые на Осколе живут гулящие люди себе дворами, не в тягле, и твоего государева оброку не платят, а живут в белых. И я из тех из гулящих людей в наплечные мастера без твоего указа выбрать не смел».²⁹

Важным представляется вопрос о количестве гулящих людей. В исторической науке этому обстоятельству не уделяли внимание поскольку считалось и считается, что «гулящие люди» – достаточно малочисленная группа населения. Однако отсутствие постоянной фиксации было обусловлено как раз тем, что «гулящие люди» не были никак «связаны» с государством и подвергались учету фрагментарно (в переписных книгах), и зачастую в военно-оперативных целях (по южным уездам страны).

При этом следует иметь в виду, что в переписных книгах посадков, кроме дворов гулящих людей, стрельцов и др., указаны почти исключительно главы посадских дворов, то

²⁵ Там же. Л. 223 об.

²⁶ Там же. Л. 242 об.

²⁷ Никулов А. П. Переписная книга 1646: текст и комментарий. М., 2017. С. 192.

²⁸ Ср.: «А в палачи на Москве прибирати из вольных людей» (ст. 96 Глава XXI Соборного уложения).

²⁹ Никулов А. П. Переписная книга 1646: текст и комментарий. М., 2017. С. 193. Ср.: А в городех ... палачей выбирать с посадков и с уездов (ст. 97 Глава XXI Соборного уложения).

есть собственно посадские тяглые люди; в редких случаях указан один сын посадского человека. Это означает, как отмечалось выше, отсутствие учета тех, кто не нес обязанности по уплате тягла – детей, братья, захребетников, подсосудников. Положение с писцовыми описаниями уездов, в частности крестьянских дворов второй половины XVII в. значительно лучше – во многих случаях фиксировались дети крестьян. Положение с фиксацией гулящих людей осложняется тем, что в ряде случаев, например, в писцовой книге Костромы 1627/28–1629/30 гг., сам термин «гулящий человек» отсутствовал, вместо него использовался термин «работный человек», или применялось выражение «кормится работой». ³⁰ В контексте данных источников XVII в. слово «гулящий» следует понимать как – ни от кого не зависящий, делающий то, что захочет, никому не подчиняющийся.

Несмотря высказанные соображения осложняющие установление численности гулящих людей, представляется, что в центральных уездах число их дворов было невелико. Например, в Вологде в 1646 г. число дворов гулящих людей не превышает числа дворов нищих посадских людей и бобылей – около десятка.³¹ В слободах Зауралья, отметил В. Е. Борисов, вслед за А. А. Преображенским, гулящие люди «имели очень внушительную численность», «то есть их было гораздо больше, чем крестьян», причем, они зачастую сохраняли свое социальное положение в течение всей жизни.³²

Однако, ситуация с численностью вольных и гулящих людей меняется, если учитывать в составе гулящих людей – детей, братью, племянников, захребетников, подсосудников крестьян, посадских людей, стрельцов, пушкарей, казаков и др.³³ С учетом этого обстоятельства, их численность варьировалась от 20 до 60 % от населения уезда. Например, в 1627 г. на Сапожке было «гулящих людей» 292 человека, представителей остальных сословий – 181 чел.; в 1626 г. на Ливнах 234 человека «гулящих людей», представителей остальных сословий – 1 093 чел. По сметной книге Белгорода 1653 г., служилых и посадских людей 1320 ч., «гулящих людей» («братья и племянников») – 632 ч.³⁴ В другом случае, А. И. Папков привел данные осадных списков Белгорода, из которых следует: в 1633 г. в ходе войны крепость Белгород защищали: служилые люди «по прибору» (стрельцы – 190 ч., казаки, станичные вожи и ездоки – 330 ч.) в количестве 520

³⁰ См.: Писцовая книга города Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. /Сост. Л. А. Ковалева, О. Ю. Кивокурцева. Кострома, 2004.

³¹ См.: Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. /Подгот. М. С. Черкасова, И. В. Пугач. Т. 1. Писцовые и переписные книги Вологды XVII в. М., 2008.

³² Борисов В. Е. Гулящие люди и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII в. // Новый исторический вестник. 2013. № 37. С. 8.

³³ Напомним, что в некоторых документах, эти лица приравниваются к гулящим людям. Например, в переписной книге Вологды 1646 г., указано: «двор гулящего человека стрелецкого сына» (С. 16).

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгор. стола. Оп. 6-д. Кн. 10. Л. 328-372, 337.

чел., а также лично свободная часть населения города («дети, братья и племянники» в количестве 406 чел. Всего с учетом крестьян, 20 % обороняющихся составляли неслужилые родственники служилых людей; в следующем 1634 г. из число возросло до 24 %.³⁵ Таким образом, становится понятным, за счет какого населения и за сравнительно небольшое время, удалось увеличить «служилые города» по южным уездам, сформировать солдатские, драгунские и рейтарские полки.

Итак, «вольные и гулящие люди» – категория свободных, ничем не обязанных государству людей, основное занятие которых заключалась в работе по найму. Она составляла в первой половине XVII в. от 20 до 60 % от населения уездов. «Гулящие люди» работали исключительно на себя и свою семью, не платили прямые налоги («тягло»), не несли обязанности в пользу государства в виде личных действий (службы). В силу этого, они были лишены политических прав в виде участия в работе земских соборов, земских и губных изб.

В состав «вольные и гулящие люди», по всей видимости, включались все мужчины, на кого не возлагались обязанности по несению государевой службы, личной службы, уплаты тягла. К таким лицам относились дети, братья, племянники, дяди, захребетники, подсоседники служилых людей, и посадских людей. Дети и родственники крестьян относились в «вольным и гулящим людям» в соответствии с обычаями, в зависимости от условий порядных записей, и текущей политики государства. Это в свою очередь означает, что значительная часть населения страны было лично свободным, никак не связанным с какими-либо обязанностями в пользу государства.

³⁵ *Панков А. И.* Участие неслужилого населения южных уездов России в боевых действиях в XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. VI чтения памяти академика Л.В. Милова. Материалы к международ. научн. конф. (=Труды Исторического факультета МГУ. Вып. 163. Серия II. Исторические исследования. 102). М., 2019. С. 559, 560.